

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СКАЗКАХ В.И. ДАЛЯ И В.С. ВЫСОЦКОГО

Издавна любовные отношения неизменно привлекали к себе внимание художников слова. В разных жанрах фольклора они слагали произведения, в которых рассказывали о трудных поисках добрыми молодцами своих суженых, о суровых испытаниях влюбленных на пути к семейному счастью, о неукоснительно соблюдаемых церемониях во время брачного ритуала. Воплощенные в художественную форму мудрые наставления и общепочитаемые традиции способствовали привитию слушателям норм поведения, формированию одобрительного отношения к будущей семейной жизни. Не напрасно удачная женитьба считалась даром судьбы достойнейшему, а неудачная — закономерным наказанием за совершенные проступки, злой нрав или глупость.

Очень широко свадебная тематика была представлена в жанре сказки. Волшебная, о животных, бытовая, анекдотическая, легендарная, басенная, юмористическая, драматическая, героическая народная сказка стала образцом «слияния чудесного, развлекающего вымысла и того серьезного, что проглядывает сквозь ее узорный склад»¹. Особенно популярными были сюжеты о героях, которые стойко выдерживали выпавшие испытания и становились мужьями умным и прекрасным принцессам или добродетельным девушкам из народа. Таким образом безвестные сказочники выражали веру в победу добра и торжество справедливости. Эти традиции были продолжены в литературных сказках В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, П.П. Ершова и других писателей.

В основном народные и литературные сказки о сватовстве составляли благополучные истории, завершающиеся обязательным пиром и долгожданной свадьбой. Однако традиции не только не препятствовали, но и в значительной мере способствовали созданию новых произведений с ярко выраженным импровизационным началом. В этой связи наше внимание привлекли сказки В.И. Даля и В.С. Высоцкого, по-своему интерпретирующие народный свадебный обряд. Хотя их авторов разделяет столетие, но это совсем не мешает им «совпадать» творчески: в отношении к фольклорным традициям, к сказочным персонажам и даже безбрачным концовкам произведений.

Для сопоставления возьмем две литературные волшебные сказки — «О прекрасной царевне Милонеге-Белоручке, по прозванию Васильковий-Глазок, и о трехстах тридцати трех затыжных волокитах и поклонниках ея» В.И. Даля и «Про дикого вепря» В.С. Высоцкого.

В первой из них использован сюжет о сватовстве доблестных витязей к царской дочери, которую стареющий царь-батюшка желает отдать за молодца, достойно выдержавшего испытание. По государевому решению, прекрасная Милонеге-Белоручка должна стать женой тому, кто лучше всех расскажет «сказку пригожую, поучительну»². Неудивительно, что В.И. Даль, ценитель и знаток русской речи, сделал основной проверкой героя виртуозное владение Словом.

«Создатель сказки нового типа» (Т. Леонова) строит свое произведение по кумулятивному сюжету: трижды звучит царский клич во время пира, три жениха готовы принять вызов, три сказки рассказываются ими поочередно. Будучи тонким исследователем жанра, Казак Луганский мастерски использовал фольклорные традиции, строя свое произведение по принципу «сказка в сказке». Его умелый повествователь, ставший «своеобразным посредником между писателем и читателем»³, искусно излагает не только «свою» сказку, но и блестяще передает три «чужие», незаметно вовлекая слушателя в соучастие-сопереживание

и органично готова к единственному верному решению царевны Милонегги: «...что сказки говорит не восточные и не западные, а свои, коренные, доморожденные — тот пусть будет господином моим!» (IX, 283). В этом признании царской дочери остро ощутимо далевское присутствие, ибо не мог он как ученый отказаться от констатации величия русского фольклора. Казалось бы, после таких слов героини читатель вправе предположить, что сказка движется к традиционной развязке — счастливому браку. Однако повествование вступает в новый фазис.

Ниже мы удостоверимся, что начальное ожидание благодатного исхода в дальнейшем не найдет подтверждения. Точно так же, как и надежда увидеть в царской дочери истинную избранницу, стоившую трехсот тридцати трех поклонников, будет развеяна.

Выбрав «кто ей мил и по душе пришелся» (IX, 282). Васильковий-Глазок явно не торопится выполнять батюшкино обещание. В этом проявляется ее натура. Уже в самом начале сказки повествователь обращает внимание на то, что прекрасная царевна своим многочисленным женихам ни ходу, ни ладу не дает; не дает ни жить, ни умереть!» (IX, 261). Подобная психологическая характеристика персонажа является свойством лишь литературной сказки, так как «народная сказка обычно только описывает действия героини и дает лаконичную обобщающего характера зарисовку ее внешности»⁴. Укрупнение характера царской дочери повествователем позволяет понять ее истинное отношение к достоинству других и готовит слушателя к последующей развязке. За прекрасным обликом («белым личиком», «соболиными ресницами», «лебединой грудью») прячется неумеющее любить сердце.

Конфликт назревает постепенно. Он основывается на скрытом антагонизме. Противостояние героев, в котором мнимая избранница оказывается не помощницей или единомышленницей витязя, а до поры скрываемой соперницей, только набирает силу. За первым испытанием следует второе, но исходит оно уже не от отца, а от дочери. В нем таится завуалированная угроза смерти: «И сама вышью ему кафтан сухим красным золотом по рыгу бархату, и ходить за ним стану, как за батюшкою, и любить пуше брата милаго, назову я его своим суженым — коли выйдет он с двумя соперники своими, за меня, за единоборство кровавое (выделено нами, — В. Б.) и избив их, сам изыдет победителем!» (IX, 283). В связи с этим фрагментом необходимо напомнить, что приличия свадебной обрядности не позволяли девице предлагать себя в жены. Такое поведение лишь усугубляет характеристику Милонегги-Белоручки.

Не в традициях молодца отступать перед задуманным, и герой принимает вызов. Он готов на всякого рода действия, потому и доказывает, что владеет не только силой слова, но и богатырской тоже. Сразившись с обоими соперниками, он снова одолевает их, но оставляет в живых, т. к. «русский лежачего не бьет» (IX, 283). Этой поговоркой Даль окончательно «проговаривается», откуда родом его чудо-богатырь, которому по плечу и сказки сказывать, и похождения ратные выдерживать, и «кряковистый дуб» одною стрелой искрошить «в черенья ножевые».

После второй победы герой наконец открыто заявляет об изменившемся отношении к красавице-девице. Он не привык отступать перед трудностями («черпал я, на своем веку, шеломом воду из Дуная»), не привык и насмешки спускать. И хотя мы видим, что храбрость витязя в сказке направлена на достижение личной цели (женитьбе на царской дочери), но понимание истинного отношения к себе со стороны невесты делает его заступником всех, посрамленных Милонеггой. и тех, кому дорога еще честь молодецкая. Он правомерно корит невесту: «Где это на белом свете слыхано, под красным солнышком видано, чтобы над суженым так потешаться, «да ты надо мною потешаешься? Стало быть, голова моя у тебя залишня!» (IX, 284). Разумеется, этот монолог вызван необходимостью подчеркнуть неприглядные качества невесты, выразить к ней негативное отношение и изобразить недостойной героя.

Наступает редкая для волшебной сказки развязка. Добрый молодец бросает к ногам

посрамленной царевны связанных побежденных противников и прилюдно отвергает ее: «...выбирай из них любую, не то за двоих выходи!» (IX, 284). После чего вскакивает на коня и мчит прочь «по степям за-донским, по ковылю сивому!» (IX, 285). Подобная концовка, без сомнения, является не просто уникальной, но и требует комментария.

Напомним, что во времена В.И. Даля практически не было известно народных сказок, в которых женитьба доброго молодца заканчивалась разладом. «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» содержит всего один, где герой отказывается от царевны. Правда, этот сюжет не совпадает с далевским⁵. Но в нем самоценен отказ от женитьбы как факт того, что наряду с благополучными историями народная память хранила и те, где героев не ожидало семейное счастье.

Исследование В.П. Аникина календарной и свадебной поэзии подтверждает, что «нередки бывали случаи, когда неудовлетворенные чем-либо во время сватовства или во время смотрин сваты прекращали свадебное дело в самом начале или после недолгого продолжения его»⁶. Кроме того, изучение образов восточнославянской волшебной сказки позволило Н.В. Новикову прийти к выводу, что народное произведение может развенчивать «и царскую дочь, изображая ее вероломной и подлой, недостойной быть женою героя»⁷. Помня о том, что В.И. Даль в свое время собрал и передал А.Н. Афанасьеву до 1000 номеров сказок, из которых тот использовал только 1488, мы вправе предположить, что живительный источник фольклора позволил писателю создать высокохудожественное произведение с ярко выраженной концовкой, в которой свадебный обряд включает горький народный опыт как систему мировоззрения.

Безусловно, Казака Луганского трудно заподозрить в антицарских настроениях, подобно тем, которые проникли в народную сказку 20-х годов XX века⁹. Хотя это вовсе не означает, что он не относился критически к государственному устройству и власти имущим. Однако конфликт в рассматриваемом произведении является не социальным, а нравственно-этическим. Мотив отказа русского витязя от суженой у Даля приобретает особое значение: самый умный и самый сильный из трехсот тридцати трех претендентов на руку Милонегги оказался и самым дорожащим честью. Он согласен на любые испытания, кроме унижения. Попытка прилюдно опозорить героя завершается развенчиванием невесты. Богатырю не нужна жена, не выполнившая царское обещание и дорожащая только собой.

Таким образом, неудачная женитьба перерастает в неудачное замужество и становится наказанием не герою, а героине — за коварный злой нрав и затяжные волокиты. Вряд ли после отказа витязя кто-либо возьмет ее в жены. Подобное разрешение конфликта свидетельствовало об изменившемся эстетическом взгляде на брак в далевскую эпоху, что не шло вразрез с народной моралью.

Не менее интересна интерпретация свадебного обряда в литературной сказке В.С. Высоцкого «Про дикого вепря». Произведение создано в традициях авторской песни, вышедшей из фольклора и предназначенной для устного исполнения, что сближает ее с искусством скоморохов. Кстати, известный далевед Ю.П. Фесенко отмечал, что Казак Луганский тоже «опирался на самую высокохудожественную и социально острую разновидность сказки — сказку скоморошескую»¹⁰.

Близость к фольклору отражается, прежде всего, в вариативности названия произведения В.С. Высоцкого: «Про Чуду-Юду», «Детская народная песня», «Песня-сказка о диком вепре», «Про королевского стрелка» и, наконец, «Про дикого вепря». Кроме того, поэт трансформировал народный сюжет о вепре, пастухе и его женитьбе на царской дочери в своеобразную притчу о вепре, опальном стрелке и его бегстве от женитьбы, на что указывал в своей монографии А.В. Кулагин¹¹.

По мнению исследователей, «обращение Высоцкого к фольклору — это прежде всего обращение к нравственно-психологическим истокам, к мифологическому мышлению в его национальном варианте, а вследствие этого — к тем художественным формам.

в которых нашел свое отражение национальный характер»¹². Именно сказка является уникальным жанром, в котором исподволь проявляется народный менталитет, и Высоцкий в полной мере использует ее возможности. Фабула его произведения проста: появление в тихом королевстве дикого вепря — немощность короля в борьбе с чудовищем — существование в государстве потенциального защитника — вынужденная встреча-спор короля и стрелка — одоление зверя и позорящее королевскую семью бегство героя.

Борьба с чудовищем всегда была неременным испытанием мифического героя. В ней человек мог ощутить свою власть над стихией. А введение в сказку опального стрелка позволило поэту обратиться к теме судьбы гонимых и униженных, что, во-первых, соотносилось с распространенным народным сюжетом, а во-вторых, с творчеством В.С. Высоцкого в целом. Кроме того, это сделало возможным провозгласить в иронично-шутливой манере идею о свободном выборе самостоятельной личности, что напрямую отразилось на решении героя отказаться от женитьбы на принцессе.

Молодой стрелец-(стрелок) — излюбленный персонаж русских сказок. Ему, как правило, выпадают тяжелые испытания и грозит царская немилость. Но когда государство пребывает в опасности, именно он оказывается неизменным спасителем. Вот и у Высоцкого, несмотря на царскую опалу причины которой не называются, не герой ищет защиты, а у него:

*На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили меды — и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хватъ стрелка — и во дворец волокут*¹³.

Следует отметить, что в сказке В.С. Высоцкого нет принятой в фольклоре идеализации героев. Он смотрит на них сквозь призму пародии. Стрелок — «бывший лучший, но опальный» — явно склонен к бражничеству (как и многие соотечественники поэта): во дворец его забирают прямо из застолья и в награду за победу над вепрем он просит «выкатить портвейну бадью» (1, 105). Герой не является образцом совершенства, не превращается в конце сказки в красавца-богатыря, хотя побеждает и «зверюгу», и короля.

Самодержец тем более изображен в гротескно-сатирическом плане:

*Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил... (1, 104)*

А уж предсвадебный сговор меж государем и героем откровенно выполнен пародийно:

*И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».*

*А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы — выкатить портвейну бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!*

*А король: «Возьмешь принцессу — и точка!
А не то тебя раз-два — и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..*

А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!» (1, 104-105)

Судя по этому диалогу, принцесса явно не страдает избытком женихов, как Мило-нега у В.И. Даля. Жалок и король, старающийся силой власти навязать свою волю стрелку. Дескать, герой глуп и не знает своего счастья — мало ли что жениху на ум приходит. Но

царские посулы вовсе не радуют стрелка. Именно король, а не чудо-юдо его основной противник. Потому-то и силой доставляют героя во дворец, потому-то и не торопится он на царский клич. Да и король посылает стрелка на борьбу со зверем, а не на испытание ради дочери. Дочь — сомнительная награда, тем более что стрелок не ищет себе невесту. Его храбрость направлена не на достижение личных целей. И здесь он вполне соответствует тому статусу, о котором К.М. Нартов писал: «Такой герой по-своему бывает и лукав, и непредсказуем, но никогда им не движет стремление к выгоде в ущерб другим, злоба, корысть или жажда власти»¹⁴.

Так сюжетная коллизия разрешается в пользу стрелка, поквитавшегося с королем, но отстаивавшем отечество и принципы «Артуровской философии»¹⁵.

Игра на контрастах создала остроту фабулы, дала возможность ярко обрисовать образы персонажей, донести до слушателя идею сказки: человек имеет право быть собой, вопреки любым обстоятельствам. Герой торжествует над вепрем и царской семьей, доказывая ничтожность последней как в решении защиты государства, так и в решении семейных проблем. Он восстановил честное имя и выбрал награду по себе. Так всем ходом повествования поэт подтвердил правомерность народной мудрости: новые времена — новые песни-сказки...

На примере двух сказок, созданных в разные столетия, мы убедились, что свадебный обряд претерпел существенные видоизменения, особенно в литературном воплощении. Если в народной сказке брак был обязательной наградой герою за испытания, то уже В.И. Даль одним из первых отметил начало процесса разрушения брачной традиции, а В.С. Высоцкий показал ее полную деформацию. Духовные открытия обоих художников заключаются в создании сюжетов, отвечающих логике жизни, в изображении новых типов героев, живущих по законам текущего времени. Оба писателя явились выразителями зарождения нового эстетического взгляда на женщину и «институт брака». Жизнь внесла свои коррективы в сказку, приблизив ее к были, и лучшие служители слова на это своевременно указали.

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1984. С. 20.

2. Даль В.И. Полн. собр. соч.; В 10 т. СПб; М., 1897-1898. Т. IX. С. 262. Далее сноски на это изд. даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы.

3. Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке (поэтическая система жанра в историческом развитии). Томск, 1982. С. 132.

4. Там же, С. 47.

5. См.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, С.219.

6. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. М., 1970. С. 79.

7. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, С. 229.

8. См. об этом: Пропп В.Я. Русская сказка, Л., 1984. С. 73-74.

9. Подробнее об этом см.: Померанцева Э.В. Писатели и сказочники, М, 1988. С. 234-236.

10. Фесенко Ю.П. «Пяток первый» В.И. Даля как единый цикл // Пятые Далевские чтения: тезисы, статьи, материалы. Луганск, 1996. С. 125.

11. См.: Кулагин А.В. Поэзия В.С. Высоцкого. Творческая эволюция. М., 1997. С. 84.

12. Кихней Л.Г., Сафарова Т.В. К вопросу о фольклорных традициях в творчестве Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. М., 1999. Вып. III. Т. 1. С. 81.

13. Высоцкий В.С. Соч.: В 2 т. Екатеринбург, 1998. Т. 1. С. 104. Далее текст цит. по этому изд. с указанием тома и номера страницы в скобках.

14. Нартов К.М. Сказка — поэзия народной души // Мир психологии. 1998. # 3. С. 107.

15. Имеется в виду Артур Макаров, друг В.С. Высоцкого, по «философии» которого отказывать себе в желаниях нельзя, т.к. неисполненные желания разрушают личность изнутри. См.: Абрамова Л.В., Перевозчиков В.К. Факты его биографии. М., 1991. С. 80; 82.